

Стивен Кинг
«Мобильник» (Cell)

Автор перевода: Хеймдалль

РЕЗЕРВНОЕ КОПИРОВАНИЕ

1

Клай стоял посреди дороги 160, там, куда в солнечный день падала бы тень от рекламного щита, и наблюдал за габаритными огнями, пока они не исчезли из вида. Он не мог избавиться от мысли, что больше не увидит Тома и Джордана (розы увядают, шептал его разум), но не позволял ей стать предчувствием. В конце концов, они уже встретились дважды, а, как известно, Бог любит троицу.

Клая зацепил проходящий мобилоид со следами запекшейся крови на одной стороне лица – первый увиденный им раненый беженец с Выставки Северных Округов. Если не держаться все время впереди, то обязательно попадутся еще, поэтому Клай пошел вдоль дороги 160, снова направляясь на юг. У него не было особых причин полагать, что его сын пошел на юг, но он надеялся, что какие-то остатки разума Джонни – его прежнего разума – подсказали ему, что дом находится в той стороне. И это направление Клай по крайней мере знал.

Примерно в полумиле к югу от боковой дороги ему встретился еще один мобилоид, на этот раз – женщина, которая быстро шагала взад-вперед через шоссе, как капитан на мостике своего корабля. Ее взгляд в сторону Клая был таким пронизывающим, что он поднял руки, готовый схватиться с ней, если она решит напасть.

Не решилась. Вместо этого спросила: «То у-па-па?», а в его голове довольно отчетливо прозвучало: «Кто упал, папа?»

«Не знаю», ответил он, пробираясь мимо нее. «Я не видел»

«Де ча?», спросила женщина, яростно ускоряя шаги, а в голове у Клая прозвучало: «Где я сейчас?» На это

ответить он даже не пытался, но подумал о Фее Темной, вопрошающей *Кто Вы? Кто я?*

Клай пошел быстрее, но все же недостаточно быстро. По коже у него поползли мурашки, когда шагающая женщина выкрикнула ему вслед «То а Фе'Те?»

В его голове вопрос прозвучал леденяще четко. *Кто такая Фея Темная?*

2

В первом доме, в который он забрался, ружья не нашлось, зато там был фонарик на длинной ручке, и Клай направлял его на каждого встречного блуждающего мобилоида, все время задавая один и тот же вопрос, пытаясь одновременно спроецировать его и своим разумом, как на экран волшебного фонаря: *Вы не видели мальчика?* Он не получал ответов и слышал в своей голове только затихающие обрывки мыслей. На подъездной дорожке следующего дома стоял неплохой Додж Рэм, но Клай не решился его взять. Если Джонни шел по этой дороге, он шел пешком. Передвигаясь на машине, даже на самой низкой скорости, Клай мог пропустить мальчика. В кладовке он нашел банку консервированной ветчины, вскрыл ее прикрепленным ключом и, жуя, снова отправился в путь. Когда он наелся и уже почти собрался выбросить остатки в кусты, Клай увидел возле почтового ящика пожилого мобилоида, наблюдавшего за ним грустными голодными глазами. Клай протянул ему ветчину, и старик взял ее. Стараясь говорить медленно и отдельно и представляя образ Джонни, Клай сказал: «Вы не видели мальчика?»

Старик пожевал ветчину. Проглотил. Вроде бы задумался. Произнес: «Гланна выши»

«Выши,» повторил Клай. «Точно. Спасибо.» И пошел дальше.

В третьем доме, еще на милю или около того дальше к югу, он нашел в подвале винчестер .30-30 и три коробки патронов. На кухне он нашел мобильный телефон в зарядном устройстве на стойке. Зарядное конечно же не работало, но когда Клай нажал кнопку, телефон сразу же пискнул и включился. Индикатор приема показывал всего одно деление, но это было неудивительно. Пункт преобразования мобилоидов был на самом краю зоны покрытия.

Он уже направлялся к двери с заряженным ружьем в одной руке, фонариком в другой и мобильным, прицепленным к поясу, когда его накрыло простое изнеможение. Клай зашатался, как будто его ударили по голове обернутым в войлок молотком. Он хотел идти дальше, но все чувства, которые еще могли достучаться к его усталому разуму, сообщали ему, что ему просто необходимо, и, может быть, даже имеет прямой смысл поспать. Если Джонни был где-то там, то с большой вероятностью он тоже спал.

«Привыкай к дневным сменам, Клайтон», пробормотал он. «Ты ни хрена не найдешь с фонариком посреди ночи»

Дом был маленький и наверняка принадлежал пожилой паре, судя по фотографиям в гостиной, единственной спальне и поручням вокруг туалета в единственной ванной. Кровать была аккуратно заправлена. Клай улегся, не откидывая покрывало, только сняв ботинки. И как только он лег, изнеможение навалилось на него всей тяжестью. Он был не в состоянии даже представить, как можно подняться ради чего бы то ни было. В комнате чувствовался аромат какого-то старушечьего саше. Бабушкин запах. Такой же слабый, как и он сам. В этой тишине бойня на выставке казалась далекой и нереальной, чем-то вроде комикса, слишком страшного, чтобы его когда-нибудь написать. *Держись Темного Странника*, сказала бы Шарон – его прежняя, милая Шарон. *Держись своих ковбоев Апокалипсиса*.

Разум Клая, казалось, воспарил над его телом. Он вернулся – лениво, без спешки – к троице, стоящей возле фургончика «Очистителей воды ТАЙКО», перед тем, как Том и Джордан забрались внутрь. Джордан повторил сказанное им в Гейтене насчет того, что человеческие мозги – на самом деле всего лишь огромные старые жесткие диски, и Импульс их отформатировал. Джордан сказал, что Импульс повлиял на них как электро-магнитный импульс.

Не осталось ничего, кроме ядра, сказал Джордан. *А в ядре было зашифо убийство. Но поскольку мозги – это органические жесткие диски, они начали восстанавливаться. Перезагружаться. Вот только в коде сигнала обнаружили искажения. У меня нет доказательств, но я уверен, что стайное поведение, телепатия, левитация – все это появилось из-за искажений. Они были там с самого начала, поэтому и стали частью перезагрузки. Вы понимаете о чем я?*

Клай кивнул. Том тоже. Мальчик смотрел на них, его выпачканное в крови лицо было усталым и серьезным.

Но Импульс продолжается, так ведь? Потому что где-то стоит компьютер, работающий от батарей, и он продолжает выполнять эту программу. Программа повреждена, поэтому искажения продолжают мутировать. В конце концов, сигнал может оборваться или программа будет повреждена настолько, что не сможет больше выполняться. Но пока это не случилось, ты можешь попробовать этим воспользоваться. Я говорю можешь, ты понял? Все зависит от того, делает ли мозг то, что делают хорошо защищенные компьютеры, когда подвергаются ЭМИ.

Том спросил, что же они делают. Джордан в ответ слабо улыбнулся.

Резервное копирование. Всей информации. Если подобное происходит с людьми, и если появится возможность стереть мобилоидную программу, старая программа может в конце концов восстановиться.

«Он имел в виду человеческую программу», пробормотал Клай в темноте спальни, вдыхая слабый сладкий аромат саше. «Человеческая программа, сохраненная где-то глубоко. Полностью» Он уже отключался, уплывал. Он надеялся, что если ему и приснятся сны, то они будут не о бойне на Выставке Северных Округов.

Последней мыслью Клая перед тем, как сон победил его, была мысль о том, что возможно в долгосрочной перспективе мобилоиды были бы лучше. Да, они родились из жестокости и ужаса, но ведь рождение обычно и бывало трудным, часто – жестоким, а иногда – и ужасным. Как только они начали собираться в стаи и объединять разум, жестокость пошла на убыль. Насколько он знал, они, вообще говоря, не воевали с норми, ну если не считать проявлением воинственности насильственное преобразование; репрессии, последовавшие за уничтожением стай были жестокими, но абсолютно понятными. Возможно, будучи предоставлены сами себе, они в конечном итоге могли бы стать лучшими обитателями Земли, чем так называемые норми. Они наверняка не стали бы лезть из кожи вон, чтобы купить себе пожирающий бензин внедорожник, только не с их умением левитировать (и не с их довольно примитивными потребительскими аппетитами, если уж на то пошло). Черт возьми, даже их музыкальный вкус под конец начал улучшаться.

Но разве у нас был выбор? подумал Клай. *Выживание похоже на любовь. Они одинаково слепы.*

В этот момент он погрузился в сон, и приснилась ему не бойня на Выставке. Во сне он был в палатке для бинго, и когда ведущий объявил В-12 – *солнечный витамин!* – он почувствовал, как кто-то тянет его за штанину. Он заглянул под стол. Там сидел Джонни и улыбался ему. А где-то в отдалении звонил телефон.

3

Из беженцев-мобилоидов выветрилась не вся ярость, да и их необычные таланты тоже исчезли не полностью. Где-то в середине следующего дня, холодного и промозглого, почти ноябрьского на вкус, Клай остановился посмотреть на двоих мобилоидов, ожесточенно дерущихся на обочине. Сначала они просто били друг друга, потом царапались, а потом сцепились, бодаясь и кусая друг друга за щеки и шеи. Одновременно они начали понемногу подниматься над дорогой. Клай с отвисшей челюстью наблюдал, как они достигли высоты примерно в десять футов, все еще в пылу драки, с расставленными напряженными ногами, как будто все еще упирались в невидимый пол. Потом один из них вонзил зубы в нос своего противника, на котором была рваная, заляпанная кровью футболка с надписью «ТЯЖЕЛОЕ ТОПЛИВО» на груди. Кусака оттолкнул ТЯЖЕЛОЕ ТОПЛИВО. Тот зашатался и камнем упал вниз. Когда он падал, из его разорванного носа фонтаном лилась кровь. Кусака посмотрел вниз, похоже, только в этот момент осознал, что находится над дорогой на высоте второго этажа, и свалился сам. Как *Дамбо, потерявший свое волшебное перышко*, подумал Клай. Кусака вывихнул колено и лежал в пыли, ощерив окровавленные зубы, рыча на проходящего Клая.

И все же эти двое были исключением. Большинство мобилоидов, которых встречал Клай (норми он не встречал ни в тот день, ни в течение всей следующей недели), казались потерянными и сбитыми с толку без поддержки стайного интеллекта. Клай снова и снова обдумывал слова, сказанные Джорданом перед тем, как тот забрался в фургон, чтобы ехать в северные леса, где у сотовых сетей не было покрытия: *Если червь продолжает мутировать, их последние преобразованные уже не будут ни мобилоидами, ни норми.*

Клай думал, что это означало нечто вроде случившегося с Феей Темной, только немного шире. Кто Вы? Кто я? – он видел эти вопросы в их глазах, и он подозревал – нет, он знал – что именно эти вопросы они пытались задать, извергая поток своей тарабарщины.

Он продолжал спрашивать *Вы не видели мальчика?* пытаюсь одновременно послать изображение Джонни, но теперь уже не надеялся на осмысленный ответ. В большинстве случаев он не получал вообще никакого ответа. Ту ночь он провел в трейлере примерно в пяти милях к северу от Герливилля, а на следующее утро, в начале десятого, Клай разглядел маленькую фигурку, сидящую на бордюре у кафе Герливилль, посреди квартала, представлявшего собой городской деловой центр.

Этого не может быть, подумал он, но ускорил шаг, а когда подошел чуть поближе – достаточно близко, чтобы увериться в том, что сидящая фигурка – ребенок, а не просто невысокий взрослый – перешел на бег. Его новый рюкзак начал подпрыгивать за спиной. Его ноги нашли место, где начинался короткий тротуар, и зашлепали по бетону.

Это был мальчик.

Очень худенький, с длинными волосами, почти спадающими на плечи его футболки с эмблемой Ред Сокс, «Джонни!», закричал Клай. «Джонни, Джонни-Джи!»

Мальчик обернулся в направлении крика, замер. Бессмысленно разинул рот. В его глазах не было ничего кроме смутной тревоги. Он выглядел готовым сбежать, но прежде чем он хотя бы собрался пошевелить ногами, Клай подхватил его и покрыл поцелуями его угрюмое, равнодушное лицо и вялый рот.

«Джонни», сказал Клай. «Джонни, я пришел за тобой, правда. Я пришел за тобой. Я пришел за тобой.»

И в какой-то момент – возможно просто потому, что державший его человек начал кружить его – ребенок обхватил шею Клая руками и прижался к нему. И еще сказал что-то. Клай отказался поверить, что это были просто звуки, такие же бессмысленные, как ветер, дующий в горлышко пустой бутылки. Это было слово. Например, *таааал*, как если бы мальчик пытался сказать *устал*.

А может быть это было слово *таата*, как он впервые, в возрасте шестнадцати месяцев, назвал своего отца.

Клай предпочел второй вариант. Предпочел поверить, что бледный, грязный, оголодавший ребенок, повисший у него на шее, назвал его папой.

4

Это была не очень большая поддержка, думал он неделю спустя. Один звук, который, может быть, был словом; одно слово, которое, может быть, было словом лапа. Сейчас мальчик спал на раскладушке в примыкающей к спальне гардеробной, поскольку Джонни решил обосноваться там, а Клаю уже надоело вытаскивать сына из-под кровати. Замкнутое, почти как утроба, пространство гардероба, похоже, успокаивало его. Возможно, это было частью преобразования, которому подвергли его и остальных. Хорошенькое преобразование. Мобилоиды в Кашваке превратили его сына в слабоумного одержимого навязчивой идеей, а стаи, чтобы утешить его, не осталось. Снаружи под серым вечерним небом порошил снег. Холодный ветер гнал его вверх по неосвещенной главной улице городка Спрингвейл. Казалось, что время снега еще не наступило, но на самом деле оно уже пришло, особенно так далеко на севере. Если снег начинал идти до Дня Благодарения, все ворчали, если до Хэллоуина – ворчали вдвое больше, до тех пор, пока кто-нибудь не напоминал вам, что вы живете в штате Мэн, а не на острове Капри.

Он думал, где в этот вечер были Том, Джордан, Дэн и Дениз. Размышлял о том, как Дениз справится, когда придет время рожать. Клай считал, что она справится нормально – такая-то крутышка. Он спрашивал себя, думают ли Том и Джордан о нем так же часто, как он о них, и недостает ли им его так же, как ему недостает их – внимательных глаз Джордана, ироничной улыбки Тома. Он не успел насмотреться на эту улыбку, не слишком-то часто им приходилось улыбаться.

Он размышлял о том, не самая ли одинокая в его жизни эта последняя неделя, проведенная вместе с искалеченным сыном. И, похоже, ответ на этот вопрос был «да».

Клай взглянул на мобильный в своей руке. О нем он размышлял больше, чем обо всем остальном. Позвонить ли еще раз. Индикатор приема при включении уверенно показывал три деления, но заряда навечно не хватит, и Клай это знал. И уж конечно он не мог рассчитывать, что Импульс продлится вечно. Батареи, посылающие сигналы на спутники (если так это все работало, и работало до сих пор), могли сесть. Или Импульс мог мутировать до

обычной несущей волны, идиотского бормотания или пронзительного писка вроде того, какой вы слышали, если по ошибке попадали на чей-то факс.

Снег. Снег двадцать первого октября. Действительно ли двадцать первого? Он потерял счет дням. Одно он знал наверняка, мобилоиды снаружи будут погибать, все больше с каждой ночью. Джонни постигла бы та же участь, если бы Клай не искал и не нашел его.

Вопрос был в том, кого же он нашел?

Кого спас?

Таата

Папа?

Возможно.

С тех пор мальчик определенно не сказал ничего даже приблизительно напоминающего слово. Он охотно шел с Клаем.. но точно так же он был склонен и к тому, чтобы брести в своем собственном направлении. Когда он так поступал, Клаю приходилось хватать его, как хватают малыша, пытающегося уйти куда-то на стоянке супермаркета. Каждый раз, когда Клаю приходилось делать это, он невольно вспоминал, как играл в детстве с заводным роботом, который все время норовил зайти в угол и стоял там, бестолково перебирая ногами, пока его снова не разворачивали к середине комнаты.

Джонни запаниковал и устроил небольшую драку, когда Клай обнаружил машину с ключами в зажигании, но как только мальчика удалось пристегнуть и запереть, а машина поехала, Джонни снова успокоился и казался почти загипнотизированным. Он даже нашел кнопку, открывающую окно, и ехал, позволяя ветерку обдувать свое лицо, прикрыв глаза и чуть подняв голову. Глядя, как ветер развеивает длинные невымытые волосы его сына, Клай думал *Боже помоги мне, я как будто еду с собакой.*

Когда они встретили затор, который не могли объехать, и Клай помогал Джонни выбраться из машины, обнаружилось, что мальчик намочил штаны. *Туалетные навыки утрачены вместе с речью* мрачно подумал Клай. *Боже Иисусе.* Это оказалось правдой, но последствия оказались не такими сложными или ужасными, как поначалу представлялось Клаю. Джонни больше не был приучен к туалету, но если останавливаться и выводить его в поле, он мочился, если у него была такая потребность. А если требовалось справить большую нужду, он делал и это, мечтательно уставившись в небо пока его кишечник опорожнялся. Может, наблюдал за птицами. А может и нет.

Не приучен к туалету, но приучен делать свои дела на улице. И снова Клай не мог не думать о собаках, владельцем которых он был.

Вот только собаки не просыпались каждую ночь, и не вопили по пятнадцать минут.

5

В первую ночь они остановились в доме недалеко от Ньюфилдской фактории, и когда поднялся крик, Клай подумал, что Джонни умирает. Хотя мальчик заснул у отца в руках, его там не было, когда Клай вскочил. Джонни был не на кровати, а под ней. Клай заполз туда, в душную пещеру, наполненную пыльными зайчиками, от головы до матраса было не больше дюйма, и схватил тоненькое тельце, которое на ощупь напоминало железный рельс. Вопли мальчика были громче, чем могли бы издать такие маленькие легкие, и Клай понял, что он слышит их, усиленными, и в своей голове. Казалось, что все его волосы – включая и те, что в штанах – стояли дыбом.

Джонни вопил под кроватью почти пятнадцать минут, потом перестал, так же внезапно, как и начал. Его тело обмякло. Клаю пришлось прижаться ухом к боку Джонни (одна рука мальчика каким-то образом обвилась вокруг его шеи в этом невысказанно тесном пространстве), чтобы удостовериться, что его сын все еще дышит.

Он вытащил Джонни, обмякшего, как куль с мукой, и положил пыльное, грязное тело обратно в постель. Пролежал рядом с ним почти час, прежде чем смог задремать сам. Утром он снова оказался в постели один. Джонни опять забрался под нее. Как побитая собака, которая ищет самое маленькое укрытие. Казалось бы, полная противоположность предыдущему поведению мобилоидов... но конечно же Джонни был другим. Джонни был каким-то новым видом, Боже, помоги ему.

6

Теперь они находились в уютном домике смотрителя рядом с Музеем лесозаготовки в Спрингвейл. Еды было полно, был очаг, с помощью ручного насоса можно было получить воду. Был даже химический туалет (хотя Джонни им пользоваться не хотел, предпочитая задний двор). Все удобства, года эдак для 1908.

Это было тихое время, если конечно не считать еженощных приступов крика у Джонни. Было время подумать, и теперь, когда Клай стоял и наблюдал через окно гостиной, как снег кружится по улице, а его сын спал в своем маленьком укрытии в гардеробной, настало время осознать, что время на раздумья вышло. Ничего не изменится, если он не изменит это сам.

Тебе понадобится еще один мобильный сказал Джордан. *И тебе придется найти место, где есть покрытие.*

Здесь покрытие было. Все еще было. В подтверждение у него были деления на экране.

Разве может стать хуже? Спросил Том. И пожал плечами. Но конечно он мог себе это позволить, так ведь?

Джонни не был ребенком Тома. У Тома теперь был свой.

Все зависит от того, делает ли мозг то, что делают хорошо защищенные компьютеры, когда подвергаются ЭМИ, сказал Джордан. *Резервное копирование.*

Резервное копирование. Сказано сильно.

Но нужно было сначала стереть мобилоидную программу, чтобы дать возможность свершиться этой очень теоретически возможной второй перезагрузке, и предложение Джордана – подвергнуть Джонни еще одному Импульсу, все равно, что зажечь встречный огонь на лесном пожаре – казалась такой жуткой, такой безумно опасной, особенно с учетом того, что Клай понятия не имел во что Импульс мутировал к настоящему моменту... если конечно предположить (да-да, конечно, на все предположения лучше сразу положить) что он вообще все еще работал...

«Резервное копирование» прошептал Клай. На улице почти совсем стемнело, и вьющийся за окнами снег выглядел совершенно потусторонним.

Импульс сейчас был другим, в этом он был уверен. Он вспомнил первых не спящих ночью мобилоидов, виденных им в Отряде пожарных-добровольцев Герливилля. Они дрались за старую пожарную машину, но не только, они разговаривали. Не просто озвучивали какие-то ошметки, которые могли бы быть словами, но *разговаривали*. Это конечно была не блестящая светская беседа на вечеринке, но все же настоящий разговор. *Уходи. Ты уходи. Черта с два. И, конечно же, хит сезона Мояшина.* Эти двое отличались от прежних мобилоидов – из эры Рваного – а Джонни отличался от этих двоих. Почему? Потому что

червь еще жил, и программа Импульса еще мутировала? Возможно.

Последнее, что Джордан сказал ему перед тем, как поцеловать его на прощание и отправиться на север, было *Если ты установишь новую версию программы поверх той, что Джонни и прочие получили на входе, они могут пожрать друг друга. Потому что именно этим черви и занимаются. Они жрут.*

И потом в дело вступит старая программа... если была сделана резервная копия...

Клай обнаружил, что его мятущийся разум обратился к Алисе – той Алисе, что потеряла мать, Алисе, которая смогла быть храброй, перенеся свои страхи на детскую кроссовку. Примерно в четырех часах пути от Гейтена, на дороге 156, Том предложил другой группе норми присоединиться к их пикнику на обочине.

Это они, сказал один из путников, *Это Гейтенская компания.* А другой предложил Тому проваливать к черту. И Алиса подскочила. Подскочила и сказала –

«Она сказала, что, мы сделали хоть что-то», сказал Клай, глядя на темнеющую улицу. *«А потом она спросила их «А какого хрена вы попытались сделать?»*

Вот он и получил ответ, подарок от мертвой девушки. Состояние Джонни-Джи не улучшалось. Вариантов у Клая оставалось только два: довольствоваться тем, что у него было, или попытаться что-то изменить, пока еще была возможность. Если она была. Клай посветил себе фонариком, чтобы вернуться в спальню. Дверь гардеробной была приоткрыта, и он увидел лицо Джонни. Во сне, подложив одну руку под голову, с взъерошенными волосами, он выглядел почти так же, как мальчик, которого Клай поцеловал тысячу лет назад перед отъездом в Бостон с портфолио по *Темному Страннику*. Чуть худее, а в остальном такой же. Только когда он не спал, можно было заметить разницу. Открытый рот и пустые глаза. Опущенные плечи и болтающиеся руки.

Клай открыл дверь гардеробной настежь и опустился на колени перед раскладушкой. Джонни заворочался, когда свет от фонаря попал ему в лицо, потом снова затих. Клай не был верующим, и события последних недель не слишком укрепили его веру в Бога, но он *нашел* своего сына, и уже за это он вознес молитву тому, кто мог ее услышать. Она была короткой и по сути. *Тони, Тони, приходи, и пропажу мне найди.*

Он открыл мобильный и нажал кнопку включения. Телефон мягко пискнул. В окошке зажегся янтарный свет. Три деления. Он поколебался мгновение, но когда речь шла о том, куда звонить, единственный номер работал наверняка: тот самый, которым воспользовались Рваный с друзьями.

Введя три цифры, он потянулся и потряс Джонни за плечо. Мальчик не хотел просыпаться. Он заворчал и попытался вырваться. Потом попробовал перевернуться на другой бок. Клай не позволил ему ни того ни другого.

«Джонни! Джонни-Джи! Проснись!» он потряс сильнее и продолжал трясти пока мальчик наконец не открыл пустые глаза и не посмотрел на него настороженно, но без тени человеческого интереса. Так на вас смотрят собаки, с которыми плохо обращаются, и каждый раз, когда Клай это видел, его сердце заходило от боли.

Последний шанс подумал он. *Ты правда собираешься это сделать? У тебя может быть один шанс из десяти.*

Но каковы были шансы найти Джонни? Или, если уж на то пошло, какие были шансы, что Джонни успел уйти из Кашвакамакской стаи перед взрывом? Один на тысячу? На десять тысяч? И разве он собирался жить с тем же настороженным, но безразличным взглядом, пока Джонни будет исполняться тринадцать, пятнадцать, двадцать один? Пока его сын спал в кладовке и срал на заднем дворе?

По крайней мере, мы сделали хоть что-то, сказал Алиса Максвелл.

Он посмотрел на окошко над клавишами. Цифры 911 вырисовывались там четко и ясно, как предначертанная судьба.

Глаза Джонни закрывались.левой рукой Клай еще раз встряхнул его, чтобы не дать ему заснуть опять. Большим пальцем правой он нажал кнопку вызова. У него было время проговорить Миссиссиппи РАЗ и Миссиссиппи ДВА, прежде чем надпись «вызываю» сменилась надписью «соединено». Когда это случилось, Клай не стал размышлять.

«Эй, Джонни-Джи,» сказал он, «Дя-дя-бя-бя». И прижал мобильный к уху своего сына.